

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ПОСЕССИОННЫХ МАНУФАКТУР

Б. Н. Васильев

Вопрос об экономической структуре посессионной мануфактуры давно уже является предметом обсуждения у советских историков и экономистов.

Существует мнение, что вотчинно-посессионные мануфактуры были крепостническими предприятиями. Сторонники этой точки зрения пытаются обосновать ее известными высказываниями В. И. Ленина о вотчинной и посессионной промышленности¹. Однако Ленин нигде не называет вотчинно-посессионную промышленность крепостной, а говорит о ней как о самобытном, оригинальном явлении в русской истории, состоявшем в применении крепостного труда в промышленности. Отмечая наличие в этой промышленности ряда докапиталистических элементов, Ленин противопоставлял ее чисто капиталистическим предприятиям.

Эти высказывания В. И. Ленина совпадают с замечанием К. Маркса: «...капитал уничтожает ремесленный труд, трудовую мелкую земельную собственность и т. д. и даже самого себя в таких формах, в которых он выступает не в противоположность к труду — в мелком капитале и в промежуточных, половинчатых формах, занимающих промежуточное положение между старыми способами производства (или такими, которые на основе капитала обновилась) и классическим, адекватным способом производства самого капитала»². Следовательно, Маркс допускал существование промежуточных, половинчатых форм производства, которые создавались капиталом, затем в процессе дальнейшего развития капитализма уничтожались и заменялись классической, чистой формой капиталистического производства.

---

¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 411, 431—432.

² К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Госполитиздат, 1940, стр. 50.

В сельском хозяйстве пореформенной России В. И. Ленин видел переходную систему, соединяющую «в себе черты и барщинной и капиталистической системы»³. Это положение Ленина, на наш взгляд, применимо и к характеристике периода возникновения капитализма в дореформенной промышленности России. Вотчинно-посессионную мануфактуру следует рассматривать как промежуточную, переходную систему хозяйства. Особенностью ее экономической структуры было переплетение черт феодального способа производства с элементами капиталистического способа производства. Однако между посессионной и вотчинной промышленностью имелось существенное различие. Посессионные мануфактуры выросли на основе капитала, который применял внеэкономические формы принуждения; в силу этого они были опутаны докпиталистическими отношениями. Вотчинные мануфактуры, выросшие в рамках феодальных вотчин, воспринимали черты капиталистического способа производства, но некоторые из них, обслуживая потребности самой вотчины, служили придатком ее натурального хозяйства.

Применимо ли положение В. И. Ленина о мануфактуре как промежуточном звене «между ремеслом и мелким товарным производством с примитивными формами капитала и между крупной машинной индустрией (фабрикой)»⁴ для характеристики посессионной мануфактуры? Э. С. Виленская считает, что не применимо. Она утверждает: «Первые мануфактуры в России выросли не из непосредственной кооперации мелких ремесленников, а были созданы при деятельной поддержке и участии правительства», поскольку в тогдашней России не было основной предпосылки для создания кадров наемного труда — экспроприации основных производителей⁵.

В действительности же посессионная мануфактура, представляя тип хозяйства со смешанными производственными отношениями, возникла на основе капиталистических отношений и была тем самым тесно связана с развитием мелкотоварного производства.

А. М. Панкратова справедливо замечает, что наемный труд sporadически существовал и в рабовладельческую эпоху и при феодализме⁶. Но на известном этапе развития феодального способа производства применение наемного труда приобретает устойчивый характер, выражая возникновение новых общественно-экономических отношений.

Наемная рабочая сила на мануфактурах широко применялась уже в начале XVIII века. Так, на парусной мануфактуре А. Д. Меншикова под Москвой работало по 250 и более наемных рабочих, на Ярославской полотняной мануфактуре Затрапезнова — более 400 наемных рабочих, из них 237 из посадского населения Ярославля⁷.

На многих других мануфактурах первой половины XVIII в. наемные люди были выходцами из посадов. К этому времени уже отчетливо определилась глубокая имущественная дифференциация посадского населения. Писцовые книги второй половины XVII в. Костромы, Юрьевца, Ростова, Александровской слободы выделяют из массы городских ремесленников владельцев «мыльных», «кожевенных» и «полотняных» «дворов», которые названы «лучшими», или «средними», людьми. Некоторые из них имели избы для мастеровых людей. От владельцев промысловых «дворов» писцовые книги отличают самостоятельных ремесленников — мыльников, кожевников, холщевников и т. п. О некоторых из них сказано: «обнищаль», «ранее владел кожевным заводом». К третьей группе посадского населения относились строгальщики (в кожевном производстве), мыльные резальщики, крашенинные колотильщики, дуботолы (которые толкли дубильное корье для кожевенной промышленности). Это были уже не самостоятельные ремесленники, а люди, работавшие по найму в мастерской владельца. Четвертую группу посадского населения составляли работные люди и те, кто «кор-

³ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 160; см. также т. 15, стр. 67, 78.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 336.

⁵ Э. С. Виленская. О характере русской посессионной мануфактуры. «Вопросы истории». 1954, № 2, стр. 96, 97.

⁶ См. А. М. Панкратова. О роли товарного производства при переходе от феодализма к капитализму. «Вопросы истории». 1953, № 9, стр. 70.

⁷ А. Ф. Грязнов. Ярославская Большая мануфактура за время с 1722 по 1856 г. М. 1910. Приложение № 6. Список рабочих Ярославской Большой мануфактуры, прикрепленных к мануфактуре указом 1736 г. Подсчет произведен нами. — Б. В.

мятся черной работой». Наконец, в пятую группу посадского населения входили феодально зависимые люди — о них сказано: «живет в соседях», «живет в захребетниках». Окладная книга гор. Ростова свидетельствует, что работные люди платили государству тягло наравне с самостоятельными владельцами промысловых заведений⁸.

Об имущественной дифференциации посадского населения можно судить по размерам земельных участков, занятых под дворами и огородами. «Лучшие» люди обычно имели наибольшие участки земли, которые они расширяли за счет скупки земель у разорявшихся жителей посада. В 1676 г. в городе Юрьевце 55 дворам принадлежали участки земли площадью от 24 до 200 кв. саж., 30 дворам — от 200 до 400 кв. саж., 7 дворам — от 401 до 800 кв. саж., одному двору — 1 055 кв. саж.⁹.

В первой группе большинство составляли «обнищавшие» и «нищие». О пяти дворах третьей группы сказано — «средний» или «лучший».

Писцовые книги городов XVII в. содержат сведения об общественном разделении труда. Изделия ремесла и мануфактур поступали не только на местный, но и на отдаленные рынки, вывозились за границу. Большую роль в этой торговле играли скупщики. Купец Затрапезнов скупал полотна у крестьян Ярославского уезда; впоследствии он стал владельцем полотняной мануфактуры в Ярославле. Крупные торговцы Угрюмовы основали полотняную мануфактуру в Переяславле-Залесском¹⁰. В Тульском районе «прожиточные люди скупали изготовленное скудными людьми оружие и доставляли его в Москву»¹¹. Известные скупщики Масалов и Демидов владели собственным оружейным производством и затем стали владельцами мануфактур. Среди владельцев промысловых «дворов» в гор. Шуе были крупные скупщики, которые вели торговлю далеко за пределами посада. Купцы Шилов, Голятин, Лисин скупали пеньку, льняную пряжу, мыло, кожаные товары, холст и вывозили все это в Архангельск. Купец Дмитриев вел торг с Астраханью. Лисин был владельцем мыльного завода. Большинство скупщиков, упоминаемых в документах начала XVIII в., позднее стали владельцами полотняных мануфактур. Среди них купец Носов, в будущем владелец единственной в Шуе посессионной мануфактуры. В то же время в Шуе было 70 «дворов», населенных людьми, которые «кормились работой»¹².

Так создавались условия для возникновения капиталистической мануфактуры. Крупные мастерские («дворы») конца XVII в. представляли собою зачатки мануфактурного производства.

Потребности обороны заставили правительство ускорить развитие мануфактур путем мобилизации для работы на них крепостного труда. Возникла посессионная промышленность. Но создавались посессионные мануфактуры купеческим капиталом. Они возникали в районах развитого мелкотоварного производства, зачастую путем преобразования ранее существовавших купеческих мануфактур в посессионные. Яркий тому пример — Ярославская Большая полотняная мануфактура. М. Затрапезнов и И. Тамес основали эту мануфактуру в 1722 году. Ярославский уезд был районом развитого полотняного производства в мелкотоварной форме. В 1710 г. в Ярославле существовал «полотняный двор». Возможно, это была крупная мастерская, близкая по своим размерам и организации труда к мануфактуре. Ярославская мануфактура была основана Затрапезновым на средства, накопленные перепродажей полотна. В первые годы на мануфактуре работали вольнонаемные люди и крестьяне Кохомской волости, приписанные к мануфактуре И. Тамеса: красильщик, столяр, токарь, ткачи, шпульщики. Важно отметить, что крестьяне Кохомской волости издавна занимались ткацким промыслом. Поэтому по просьбе И. Тамеса правительство и приписало к его мануфактуре эту волость. В 1725 г. компанейщики разделились.

⁸ «Дозорные и переписные книги гор. Ростова». М. 1880. См. окладную книгу 7160 (1652) года.

⁹ См. окладную книгу гор. Юрьевца. «Материалы по истории, археологии, статистике и этнографии Костромской губернии». Вып. 1. Кострома. 1912.

¹⁰ Е. Дюбек. Первые текстильные и писчебумажные фабрики в Переяславле. «Доклады Переяславль-Залесского научно-просветительного общества». Вып. 15. Переяславль-Залесский. 1926.

¹¹ И. Гамель. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М. 1826, стр. 29.

¹² См. «Труды Владимирского губернского статистического комитета». Вып. 5. Владимир. 1866, стр. 67—75.

Приписные крестьяне отошли на половину Тамеса. На мануфактуре Затрапезнова остались вольнонаемные и небольшое число купленных Затрапезновым уже после раздела мануфактуры крепостных крестьян. По данным второй ревизии, в составе вольнонаемных 237 человек были из посадского населения Ярославля, 25 — из посадских людей других городов, 179 — из владельческих крестьян и немного наемных рабочих из детей солдат, мелких церковнослужителей и других категорий городского населения. Купленных рабочих на мануфактуре было всего 15 человек. Наличной рабочей силы не хватало, кроме того, она не составляла прочный, постоянный контингент рабочих на мануфактуре. По просьбе Затрапезнова Сенат разрешил ему закрепить рабочих из числа «шатающихся нищих и приписных, которых велено указом в Сибирь посылать», а также оставить на мануфактуре «навечно» мастеровых из помещичьих и монастырских крестьян. Бывшим душевладельцам не удалось вернуть крестьян в свои вотчины. Сенат указом 1740 г. предписал местным властям выдать выписки на прикрепленных к мануфактуре крестьян «полотняных и других мануфактур директору»¹³. Затрапезновы дважды получали денежные субсидии от казны: в 1728 г. 5 тыс. руб., в 1734 г. — 20 тыс. руб. Капиталистическая мануфактура превратилась в посессионную.

Подобным образом возникли полотняные мануфактуры и в Костроме. Уже в XVII в. Кострома была крупным центром полотняной, кожевенной, мыловаренной промышленности, работавшей не только на внутренний рынок, но и на экспорт. Здесь также выделились крупные скупщики — будущие владельцы посессионных и капиталистических мануфактур (Угличанинов и др.) Повидимому, первой капиталистической мануфактурой в Костроме была мануфактура А. Колоткина (по разным источникам она имеет четыре даты основания: 1726, 1755, 1775, 1786 гг.). В 1760—1770 гг. возникли капиталистические мануфактуры Волковых, Пылина, Дурыгина, Ашастина. Капиталистическая мануфактура И. Д. Угличанинова, созданная в 1751 г., в 1759 г. превратилась в посессионную. В 1752 г. была основана вотчинная мануфактура Воронцова, в 1761 г. — посессионная мануфактура Стригалева, в 1772 г. — посессионная мануфактура С. М. Угличанинова. Важно отметить, что посессионные мануфактуры были более крупными, чем капиталистические. Всюду посессионные и капиталистические мануфактуры возникали на базе мелкоотварного производства, в основе их организации лежал купеческий капитал, некоторые мануфактуры, возникнув как капиталистические, превращались в посессионные; встречаются посессионные мануфактуры, которые выросли из мелких ткацких мастерских «светелок» (мануфактура Угрюмова в Переяславле). Аналогичный процесс имел место и в металлургической промышленности¹⁴. На посессионных мануфактурах наряду с крепостным трудом применялся обычно и труд вольнонаемных рабочих. Затрапезнов и Угличанинов содержали вольнонаемных рабочих в течение всего времени существования принадлежавших им мануфактур. В 1761 г. Г. Стригалева основал в Костроме посессионную мануфактуру на 100 станков; вскоре мануфактура «приумножилась до 510 станков вольнонаемными людьми». К основанной в 1758 г. в Кинешме полотняной мануфактуре на 60 станков И. Таланов купил две деревни крестьян. К концу века на мануфактуре, кроме купленных крестьян, работали «разных окольных помещиков крестьян и разного звания вольнонаемных людей до 500 чел.»¹⁵. По ведомости 1777 г., в Ярославской губернии было шесть полотняных мануфактур: одна в гор. Романове — капиталистическая с вольнонаемными рабочими, одна в селе Космодемьянском помещика Щербатого, вотчинная, на 12 станков, с рабочими из дворовых людей, четыре посессионных со смешанным составом рабочих (приписные, купленные, вольнонаемные) Та же ведомость перечисляет 10 шелковых мануфактур; на трех самых крупных работали крепостные и вольнонаемные рабочие, семь мануфактур обслуживались исключительно вольнонаемным трудом¹⁶. «Топографическое описание Ярославского наместничества» (1794 г.) отмечает вольнонаемных на всех посессионных мануфакту-

¹³ См. Н. П. Паляин. Волжские ткачи. Т. I. М. 1936, стр. 32.

¹⁴ Н. И. Павленко К вопросу о рынке рабочей силы для металлургических мануфактур. «Вопросы истории». 1952, № 3, стр. 104.

¹⁵ Е. Дюбек Полотняная промышленность Костромского края во второй половине XVIII в. и первой половине XIX в. Кострома. 1921, стр. 9, 11.

¹⁶ Ярославский государственный областной исторический архив, ф. 100, оп. 1, д. 3.

рах, в том числе до 300—500 человек на крупных в зимнее время. В первом десятилетии XIX в. на Ярославской Большой мануфактуре число вольнонаемных доходило до 600—900 человек, то есть составляло около половины всех рабочих. Удельный вес вольнонаемных на большинстве посессионных мануфактур возрос во второй половине XVIII века. В полотняном производстве процент вольнонаемных рабочих был более высоким, чем на посессионных мануфактурах металлургической, писчебумажной, стекольной и суконной промышленности. Применение на посессионных предприятиях вольнонаемного труда наряду с крепостным явилось наиболее ярким выражением переплетения двух систем — капиталистической и феодальной — в русской мануфактуре XVIII века. С другой стороны, крепостной труд применялся и на капиталистических мануфактурах, например, на полотняной и ситцевой мануфактуре Грачевых в селе Иванове во второй половине XVIII века. По четвертой ревизии, в селе Иванове и волости за Грачевыми числилось (они были в то время крепостными Шереметева) купленных на имя Шереметева крестьян 420 душ мужского пола. Ведомостю 1798 г. делит работавших на мануфактуре крестьян на «вольных» и «его сиятельства крепостных отданных крестьян» (181 человек). В числе «вольных» (311 человек) были крепостные Шереметева и других владельцев. Но не все, а лишь 131 человек из купленных крестьян работали на мануфактуре¹⁷.

Условия труда «купленных» к мануфактурам отличались, однако, от условий хозяйствования крепостных крестьян. Крепостной крестьянин в барщинном хозяйстве был наделен землей и владел собственными орудиями производства. В посессионной, как и в капиталистической, мануфактуре рабочий был отделен от земли и лишен собственных орудий труда, хотя и не полностью. Поскольку работа на мануфактуре требовала от рабочего известных производственных навыков, которые могли быть приобретены лишь после продолжительной выучки, владельцы мануфактур были заинтересованы в создании кадров постоянных обученных рабочих.

В посессионной мануфактуре эта задача решалась путем прямого принуждения. В конечном счете это приводило к отрыву от земли рабочих, занятых в основных производственных процессах. Так, на металлургических заводах Баташова рабочие, занятые «заводским делом», «хлебобашества — никакого, ни лугов, да и пашенной земли, кроме усадебной под строением домов мест не имели»¹⁸. В то же время рабочие крупнейшей в России посессионной суконной мануфактуры Лиона в Тамбовской губернии имели от 1 до 2 десятин на душу пахотной земли «и для обработки оной получают от фабрики на несколько дней увольнение»¹⁹. Рабочие посессионных полотняных мануфактур имели в деревне свои крестьянские хозяйства. Земля обрабатывалась оставшимися в деревне членами семьи рабочего, чаще всего стариками и женщинами. Это приводило хозяйство к разорению. После ликвидации посессий большинство рабочих покинуло деревню и перешло на работу по вольному найму на капиталистические предприятия. К крестьянскому хозяйству рабочие возвращались лишь в том случае, если получали земельные наделы.

Какие же отношения складывались на посессионной мануфактуре между владельцем средств производства и непосредственным производителем, лишенным хозяйственной самостоятельности?

Оплата труда на этих мануфактурах производилась деньгами, сдельно. Так, на заводах Баташова рабочие получали заработную плату «от штуки и с пуда». На посессионной мануфактуре Лиона оплата труда производилась «однообразно всем работникам» с половинки и с пуда пряжи²⁰. На мануфактуре Носовых в гор. Шуе гкачи получали плату со штуки выработанной ткани. Рабочим выдавались «расчетные листы», которые часто задерживали в конторе, по словам рабочих, «дабы в случае неверных расчетов с мастеровыми не произошло споров, то не была бы принята в основание их жалоба»²¹. Такая система была своеобразной формой

¹⁷ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, ф. 1, оп. 2, д. 914, лл. 4—6.

¹⁸ И. П. Богатов. Металлургическая промышленность Владимирской губернии Владимир. 1929, стр. 21.

¹⁹ «Журнал мануфактур и торговли». 1838, № 2, стр. 255.

²⁰ Там же.

²¹ Владимирский областной архив, ф. владимирского губернатора, д. 8129.

заработной платы, являвшейся основным источником существования рабочего и его семьи²².

Но в отличие от рабочего капиталистической мануфактуры посессионный не продавал своей рабочей силы владельцу мануфактуры, а сам был куплен у помещика или отдан государством в бессрочное пользование владельцу мануфактуры. Последний устанавливал рабочему минимальное вознаграждение, обеспечивавшее самый низкий уровень физического существования рабочего, необходимый для воспроизводства эксплуатируемой рабочей силы. Тем не менее ставить знак равенства между посессионным рабочим и крепостным крестьянином нельзя. В отличие от крепостного крестьянина посессионный рабочий получал средства для воспроизводства своей рабочей силы и содержания семьи от личного труда, применявшегося к орудиям и средствам производства, принадлежавшим владельцу мануфактуры. Если в барщинном хозяйстве необходимый и прибавочный труд разделены во времени и пространстве, то на посессионной мануфактуре они были соединены в одном процессе труда. Претерпевало изменения внеэкономическое принуждение в отношении работника, прикрепленного или купленного с землей к мануфактуре. Посессионный работник, приобретенный с землей, терял свою хозяйственную самостоятельность постепенно; работники, купленные или прикрепленные без земли,—немедленно после совершения акта покупки.

Таким образом, посессионный рабочий занимал промежуточное положение между крепостным крестьянином и наемным рабочим.

В первой половине XIX в., в условиях дальнейшего роста капитализма в стране, посессионная мануфактура пришла в упадок и была ликвидирована. Ее исчезновение служит наглядным примером того, как капитал, уничтожая самого себя в промежуточных, половинчатых формах, заменяет эти формы чисто капиталистическим способом производства.

Ликвидация посессионной промышленности служит иногда одним из главных аргументов при попытке доказать ее крепостнический характер. Сторонники этого взгляда полагают, что от посессионных мануфактур после уничтожения посесий остались одни лишь здания и технически устаревшее оборудование. Однако известные примеры преобразования посессионной мануфактуры в капиталистическую фабрику.

Кризис посессионной полотняной промышленности совпал с кризисом полотняного производства в целом. Еще до ликвидации посессионных полотняных мануфактур большинство капиталистических полотняных фабрик перешло на производство хлопчатобумажных тканей. Владельцы же посессионных мануфактур без разрешения правительства не могли перейти на выработку хлопчатобумажных тканей. Правительство либо принуждало их производить полотно, либо разрешало переводить на производство хлопчатобумажных тканей лишь часть станков. Феодальная надстройка, сыгравшая активную роль в создании посессионной промышленности в XVIII в., теперь искусственно затягивала ее ликвидацию. Но это в конечном счете не помешало преобразованию посессионных мануфактур в капиталистические фабрики. Примером может служить Ярославская Большая мануфактура. В 1843 г., после того как от мануфактуры было отписано около 2 тыс. человек приписных и покупных рабочих, работа на ней продолжалась вольнонаемными людьми; сохранялось и старое оборудование. В 1853—1857 гг. работы на мануфактуре не производились. В 1857 г. «неработавшая фабрика» была куплена братьями Корзинкиными, Игумновым и др., основавшими «Т-во Ярославской Большой мануфактуры», и после замены оборудования, в 1859 г., была пушена бумагопрядильная фабрика.

Крупной капиталистической фабрикой стала посессионная суконная мануфактура Лиона в Тамбовской губернии. В 1830-х годах здесь было установлено два паровых двигателя. В капиталистические предприятия переросли в пореформенную эпоху Гусевский, Верхнеунжевский и другие железодельные заводы Баташовых во Владимирской губернии; они существовали до начала XX века.

В крупное капиталистическое предприятие превратился в пореформенные годы Гусевский хрустальный завод Мальцевых. Во второй половине XVIII в. Мальцевы имели до десяти стекольных и хрустальных заводов, основанных на посессионном праве. Вольнонаемных рабочих на них было мало. Крупнейшим к концу дореформенной эпохи

²² См. И. П. Богатов. Указ. соч., стр. 21

стал хрустальный завод при селе Гусь, Владимирской губернии, основанный в 1757 году. В 1840-х годах на заводе были установлены паровые двигатели, усовершенствована технология производства. С 1841 г. на плавку хрустальной массы вместо 45—48 часов затрачивалось 30—32 часа, а с 1856 г.— 17—24 часа. Состав рабочих с XVIII в. не изменился. В 1856 г. на Гусевском хрустальном заводе работало 539 рабочих, в том числе 454 человека из собственных крепостных людей, 83 — из приписанных по ука-зу 1736 г. и 2 мастера, работавших по вольному найму²³.

После отмены крепостного права рабочие завода перешли на положение времен-но обязанных, а позднее стали работать по вольному найму.

На стекольных и хрустальных заводах Мальцевых образовались значительные кадры потомственных рабочих, которые к середине XIX в. уже не в первом поколении были оторваны от сельского хозяйства и которые не во всей своей массе поглощались стекольной промышленностью. Для занятия промышленным трудом свободной рабочей силы (большой частью женщин и детей) в 1847 г. Мальцевы основали в селе Гусь бумагопрядильную фабрику на 11 080 веретен. В первые годы на фабрике работало 756 рабочих, из них только 62 человека по вольному найму. В пореформенные годы приписные и крепостные рабочие были переведены на положение временно обязанных, а позднее вольнонаемных рабочих. В 1857 г. 23 308 веретен фабрики приводились в движение тремя паровыми машинами. В 1890 г. на бумагопрядильне работало 4 135 рабочих.

Положение приписных и крепостных рабочих на Гусевском хрустальном заводе и бумагопрядильной фабрике Мальцевых в первой половине XIX в. мало чем отлича-лось от положения вольнонаемных рабочих. Будучи потомственными рабочими, они не имели другого источника существования, кроме продажи своей рабочей силы. Мальцевская бумагопрядильня была одной из пяти бумагопрядилен, основанных в 1840-х го-дах во Владимирской губернии. Остальные бумагопрядильни были капиталистическими фабриками, применявшими труд вольнонаемных рабочих. По техническому оснащению мальцевская бумагопрядильня стояла на уровне капиталистических фабрик. В 50-х го-дах XIX в. на бумагопрядильне Мальцева в с. Гусь было 19 240 веретен, на бумагопрядильне Н. М. Гарелина — 25 088 веретен, мощность паровых двигателей на первой ма-нуфактуре составляла 70 л. с., на второй — 60 л. с., количество рабочих соответственно 766 человек и 573 человека; годовая сумма выработки у Мальцева — 392 500 руб., у Гарелина — 337 475 руб.²⁴.

На фабрике Гарелина на 1 000 веретен приходилось 23 рабочих, на фабрике Мальцева — 39 рабочих; выработка на одного рабочего у Гарелина составляла 590 руб., у Мальцева — 512 руб. в год. Производительность оборудования у Мальцева была выше, чем у Гарелина. У Мальцева выработка на 1 000 веретен составляла 20,6 тыс. руб., у Гарелина — 13,5 тыс. руб. Характеристика состояния посессионной промышленности в первой половине XIX в. помогает лучше понять противоречивую экономическую природу посессионной промышленности в целом. Выросшая на базе мелкотоварного производства, в котором уже возникали капиталистические отношения, или возникшая из капиталистических мануфактур, она соединяла в себе черты капи-талистического и феодального хозяйства. Это привело к образованию здесь своеобразных производственных отношений, которые нельзя назвать ни капиталистическими, ни феодальными, а только промежуточными и переходными между ними. В только что зарождавшуюся крупную капиталистическую промышленность были искусственно принесены черты феодальной системы. Эти переходные отношения способствовали развитию крупной промышленности, когда для нее не хватало свободной рабочей силы. Они стали тормозом для ее развития, когда сложился широкий рынок вольно-наемной рабочей силы. За все время существования посессионной промышленности в ней продолжали сохраняться, возрастали и, наконец, победили капиталистические отношения (эксплуатация вольнонаемных рабочих).

²³ «Владимирские губернские ведомости». 1857, № 12.

²⁴ Ивановский областной архив, ф. 205, д. 263. «Владимирские губернские ведомо-сти». 1857, № 13; 1865, № 42.